

ЛЕОНИД ДОБЫЧИН

Город Эн

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 882
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Д57

Добычин Л.

Д57 Город Эн / Леонид Добычин. — М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 286 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-01794-9

В эту книгу вошли все известные произведения Л. И. Добычина, мини-малистичные, но в то же время преисполненные поэзией, за которой явно прочитывается большая русская художественная традиция, глубокое народное чувство. Остроумные, но лишенные язвительности, они без прикрас описывают действительность 1920–1930-х годов.

УДК 882
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-517-01794-9

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ОТ РЕДАКЦИИ

Леониду Добычину (1894–1936(?)) так и не суждено было войти в канон классиков русской литературы XX века. Не удалось ему войти и в число «возвращенных имен». Сейчас его принято считать автором «для эстетов» и сравнивать с Джойсом. Его прозу с наслаждением препарируют литературоведы, называя монтажной, о переизданиях его книг с упоением пишут критики и журналисты, вспоминая и о судьбе, и о загадочной гибели автора, каждый раз находя новых виновных и выстраивая все новые теории (утопился в Неве, был убит, жил на оккупированной территории в Пушкине и так далее). В дошедших до наших дней сборниках рассказов, двух повестях и одном романе современники видели лишь формализм и — в немногих хвалебных отзывах — гоголевскую сатиру. Исследователи настойчиво сравнивают его прозу с А. Платоновым, но по-детски наивной радости ожидания рассвета нового мира у Л. Добычина нет, как нет и хармсовской обреченности.

Что же так привлекает, но в то же время отталкивает читателя в его, совсем скромном по количеству сохранившихся произведений, наследии? Почему сейчас, спустя почти сто лет, его проза кажется столь понятной, лишенной налета архаики, интимно близкой?

Секрет Л. Добычина пытаются разгадать и многие современные писатели, подражая его минималистической манере, его захватывающей дух способности парой штрихов изобразить большую историю: «Мадмазель Вунш не видела: уставившись подслеповатыми глазами на светлый запад, она мечтала». Л. Добычин не обличает мещанство, не иронизирует, описывая дореволюционный и новый миры, — складывается впечатление, что он не видит разницы между ними. В его прозе, текучей, как река, которая соединяет фактически все его произведения, почему-то постоянно кто-то умирает, то есть отправляет-

ся в плавание или приходит из него. Матросы, вода и похороны — три кита, на которых стоит эта проза, освященная по удивительно трогательному церковному канону. Л. Добычин описывает религиозные обряды, да и сами здания церквей, с отеческой нежностью, без иронии, но и без подобострастия. В этих описаниях есть нечто интимное, но в то же время узнаваемое, как у фотографий из семейного альбома, которые есть в каждом доме: «За речкой стоял на горе большой белый костел, подымались на гору улицы, крестик маленькой церкви блестел в зелени. Позади местечка была еще гора, голая, поросшая одною травой, и на ней — расписная часовня». Удивительно поэтичная, но практически лишенная длинных описаний, пейзажная, но в то же время абсолютно кинематографичная, эта проза завораживает своей безыскусностью и искренностью: «Из открытых окон радиодоклады раздавались. Расходясь со стадиона, распаленные футбольщики, невидимые за забором, переругивались». Герои Л. Добычина — дети, которые учатся воспринимать мир («Город Эн»), старухи, которые так и не научились этому («Нинон»), — кем бы они не были, какими бы не были их мечты («Трудящиеся всех стран, — мечтательно говорил Кукину кассир со станции, — ждут своего освобождения» («Встречи с Лиз»)), они лишены авторского осуждения и порицания, он искренне любит их. В его прозе больше любви, чем у какого-либо другого автора: любви страстной, отеческой, материнской, любви к делу жизни, каким бы оно не было, любви к слову и его звучанию, любви к родине, лишенной пошлости и излишнего пафоса, любви к человечеству в целом и к каждому «даже самому черненькому», любви, которой так не хватает... Поэтому даже самые взыскательные и искушенные читатели не останутся равнодушными к строкам произведений Л. Добычина и найдут в них что-то особенное, личное.

РАССКАЗЫ

ВСТРЕЧИ С ЛИЗ*

*Козлова***

1

Электричество горело в трех паникадилах. Сорок восемь советских служащих пели на клиросе. Приезжий проповедник предсказал, что скоро воскреснет Бог и расточатся враги Его.

Козлова приложились и, растирая на лбу масло, протолкалась к выходу. Через площадь еле продралась: пускали ракеты, толкались, что-то выкрикивали, жгли картонного бога-отца с головой в треугольнике, музыка играла «Интернационал».

— Мерзавцы, — шептала Козлова, — гонители...

Снег скрипел под ногами. Примасленные полозьями места жирно блестели. Над школой Карла Либкнехта и Розы Люксембург стояла маленькая зеленоватая луна. Козлова вздохнула: здесь мосье Пуэнкарэ учил по-французски.

Она пошла тише. В памяти встали приятные картины дружбы с мосье.

Вот — чай. Мосье рассказывает о Лурдской Богородице. Авдотья отворяет дверь и подсматривает. Козлова показывает на нее глазами.

— Приветливая женщина, — говорит мосье.

Потом он берется за шляпу, Козлова встает, и они отражаются в зеркале: он, аккуратненький, седенький, раскланива-

* Текст сборника приводится по изданию: Добычин Л. И. Встречи с Лиз. Л., 1926.

** Рассказ также входил в состав рукописного сборника «Вечера и старухи» 1924 года под названием «Письмо».

ется, она — прямая, в длинном платье, пальцы левой руки в пальцах правой, тонкий нос немного наискось, на узких губах — старомодная улыбка.

— Приходите, мосье...

А вот — в кинематографе. Играют на скрипке. Мосье завтра едет. С тоненького деревца в зеленой кадке медленно падают листья.

— Как грустно, мосье...

Девица в красной вязаной кофте отдергивает занавеску и выпускает. По сторонам холста висят Ленин и Троцкий... Бьет посуду и ломает мебель комическая теща, красуются швейцарские озера и мелькают шесть частей роскошной драмы: Клотильда отравилась, Жанна выбросилась из окна, а Шарль медленно отплывает на пароходе «Республика», и ему начинает казаться, что все случившееся было только сном.

— Так и вы, мосье, забудьте нас, как сон.

— О мадмуазель!

Обратный путь полон излияний. В прекрасной Франции мосье будет думать о ней. Он будет следить за политикой.

«Кого же и назвать Сивиллой нашего времени, если не мадам де-Тэб», — напишет он, когда можно будет ждать чего-нибудь такого...

2

Вечера Козлова просиживала на лежанке — штопала белье или читала приложения к «Ниве». Вторник был женский день — ходили с Авдотьей в баню, орали дети, гремели тазы, толсто-брюхие бабы с распущенными волосами, дымясь, хлестали себя вениками. В воскресенье брали по корзине и отправлялись на базар.

— Гражданка, гражданочка, — высовываясь из будок, зазывали торговки, — барышня или дамочка!